

947.331

р-630

Н. РОЖКОВ

О Ч Е Р К
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ЛЕНИНГРАД „КНИГА“ МОСКВА

1924.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплети. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	46
8						79	133 315	

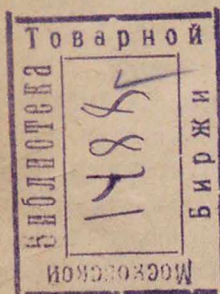
947:331

P-630.

M 68
365

Н. РОЖКОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
МОСКВА, Тверская, 38. Тел. и 2-64-61 377-23
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74. Тел. 134-34 и 170-94.

1924.

188: FHC

80-9

Ф15252-35

2015147805

Ленинградский гublит № 3192. Тираж 8.000 экз.
Типография Акад. Худ., Ленинград, В. О., Тучков пер., д. 1

Очерк истории труда в России.

I.

Общие условия хозяйственной жизни в древнейшей Руси с VII по X век.

Историю труда нельзя понять без истории хозяйства: первая составляет неразрывную часть второй. Нельзя понять положение труда, если неизвестно, куда, главным образом, этот труд был направлен. Между тем, по отношению к древнейшей Руси вопрос о господствовавшей тогда отрасли хозяйства является крайне спорным. Поэтому, требуется тщательный его пересмотр и обоснованное решение.

Но, прежде всего, следует оговориться по вопросу о точном хронологическом определении того, что надо разумеать под словами „древнейшая Русь“. По довольно давней уже традиции принято древнейший период русской истории именовать Киевской Русью или Киевским периодом, начиная его VI веком и заканчивая в XII. Осторожнее, однако, этот период Киевской Руси разделить на два — с VI до половины X века и с половины X до конца XII ¹⁾.

¹⁾ Пишущий эти строки в ранних своих работах отдал дань прежней традиции (см. напр., „Обзор русской истории с социологической точки зрения“, ч. I). В настоящее время он от этого взгляда отказывается (ср. „Русская история в сравнительно-историческом освещении“, т. I).

Куда, на какую отрасль хозяйства направлен был труд на Руси с VI до половины X века?

В последнее время возродился очень старый ответ на этот вопрос, сводящийся к тому, что русские или восточные славяне, как и славяне вообще, были исстари земледельцами. Основания этого взгляда таковы: 1) люди везде и в особенности славяне начинали земледелием: это доказывает слово „соха“, древнейшее значение которого — „палка, жердь“, т.-е. виловатый сук, которым первоначально вскапывалась земля; 2) „на всех славянских языках совпадает корень жить и название хлеба, жито; слово брашно означает более частным образом муку, потом пищу вообще, затем имение; обилье означает и урожай и богатство; всем славянским языкам знакомы обще-индо-европейские термины главнейших земледельческих операций — пахать (в форме орати—лат. *arare*, греч. *arao* и т. д.) и сеять (лат. *segerere*, лит. *seti* и т. под.), обще-индо-европейское название плуга орало (греч. *aratron*, армянск. *araur*) и серпа (греч. *harpes*, лат. *sarperes*); жатва общеславянское слово точно так же, как и нива“; 3) „названия хлебных растений — овса, ячменя и т. д.—общее более или менее всем славянским языкам“, а то обстоятельство, что славяне знали пшеницу и просо и даже возделывали их, несомненно, явствует из происхождения обоих этих слов от глагола пхати = молотить¹⁾; 4) преобладание земледелия доказывается аграрными, колядскими и другими песнями, жатвенными праздниками и пословицами, отражающими земледельческий труд²⁾.

¹⁾ Покровский, Очерк истории русской культуры, часть I (изд. третье), стр. 29, 42, 44.

²⁾ Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, М. 1919, стр. 40—43.

Разберем эти доводы по порядку. Верно, что соха значит в глубокой древности палка, жердь, и что, следовательно, древнейшим орудием славян — да и не одних славян — при вспашке была палка. Но, во-первых, значит ли это, что палка, хотя бы она называлась и сохой, была всегда „виловатым суком, которым первоначально вскапывалась земля“? Нет, не значит: древнейшее назначение палки или дубины — быть оружием, в частности охотничьим оружием¹⁾. Значит, слово соха вовсе не доказывает, что славяне и тем более люди вообще „начинали земледелием“. Да и вообще можно считать установленным, что люди сначала долгое время земледелием не занимались.

История и значение слов жито, брашно, обилье, орать, сеять, орало, серп, жатва, пива подтверждают только никем не оспариваемый факт, что славяне, еще не разделившись на далеко разошедшиеся в разные стороны племена, занимались земледелием, но не дают еще основания утверждать, будто они „главным образом при помощи земледелия добывали себе пищу“. Только на такой же вывод уполномочивает нас и происхождение проса и пшеницы от пьхати. И, наконец, в том же смысле можно толковать и колядские и иные песни, жатвенные праздники и пословицы.

Итак, земледелие у славян уже было, когда они жили все вместе. Это несомненно. И странно было бы, если бы было иначе: так было у всех народов на той ступени развития, на которой тогда находились славяне. Вопрос не в том, существовало ли земледелие — оно бесспорно существовало, — а в том, было ли оно главным источником средств существования. И некоторый свет на этот вопрос проливает

¹⁾ Мартилье, Доисторическая жизнь, стр. 107.

уже цитированный сейчас лингвистический материал. Во-первых, он указывает, что славяне сначала копали палкой, виловатым сукон, т.-е., что у них долго существовало мотыжное земледелие. А такое земледелие может быть подсобным занятием,—не более. Во-вторых, он убеждает в преобладании сначала, даже в исключительном посеве, проса—очень неприхотливого растения, столь же универсально-земледельческого первоначально на юге, сколь таким на севере являлся ячмень, кстати также долго именовавшийся там „жито“, т.-е. хлеб, но преимуществу перед другими видами хлебных растений. Не даром же и Маврикий, писатель VI века, указывает, что у славян из земледельческих продуктов („плодов“, как он выражается) „больше всего проса“¹⁾. И это преобладание проса является ярким признаком второстепенного значения земледелия. Наконец, и в материале древних народных песен есть указание, что просо сеяли только девушки, женщины, а мужчины этим не занимались²⁾: при существовании лишь женского земледелия нельзя предполагать господство земледельческого производства над другими ветвями хозяйства.

И если мы в дополнение ко всему этому примем во внимание бесспорный факт разброда славян в VI веке в разные стороны и учтем данные об общем характере их жизни и быта, сообщаемые византийскими писателями этого времени, то не будет сомнения, что первенствующим, господствующим земледелие тогда не было. „Живут славяне и анты в жалких хижинах, далеко расставленных друг от

¹⁾ Maurikios, Strategicon.

²⁾ В песне, где девушки поют: „а мы просо сеяли“, а мужчины отвечают: „а мы просо вытопчем“.

друга, и часто меняют свои места жительства“ — пишет Проконий¹⁾, а Маврикий ему вторит: „в лесах и болотах, посреди рек и стоячих озер, живут они, недоступные посторонним... и жизнь ведут прямо разбойническую“; „тех, кого они держат в плену, они не держат в рабстве бессрочно, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую мзду в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям“; „среди них бывает много раздоров и мало согласия“; „все держатся противоположных мнений, и никто не хочет уступить другому“; „земли славян и антов лежат вдоль реки“, „близко от них леса, болота и поросшие тростником места“²⁾.

Но не только в VI веке, а и позднее — до X столетия — земледелие далеко не преобладало. Наш Начальный летописный свод, каждый раз как он касается хозяйства, — ни словом не упоминает до X века о земледелии, говоря о других занятиях³⁾. „Рало“ впервые упоминается лишь в конце IX и в X веке⁴⁾. Ибн-Даста, араб X века, подтверждая, что славяне „более всего сеют просо“, в то же время отмечает второстепенность земледелия, гиперболически утверждая, что „славяне совершенно не имеют пашен“⁵⁾. Наконец, когда речь заходит о богатстве Руси, — к этому богатству даже в X веке не причисляются продукты земледелия⁶⁾. В сущности, и те исследо-

¹⁾ Procopius, De bello gothico, lib. III.

²⁾ Maurikios, Strategicon.

³⁾ См., наприм., рассказ о Кие, Щеке и Хориве.

⁴⁾ Начал. летопись под 883, 964 и 981 годами.

⁵⁾ Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.

⁶⁾ Начал. летопись под 969 г.

ватели, которые, как мы сейчас убедились, преувеличивают экономическое значение земледелия в древнейшей Руси, не отрицают, что охота и пчеловодство или бортничество были очень важны по крайней мере в IX и X веках ¹⁾. Выходит, следовательно, что раньше они были неважны, а когда появились на Руси варяжские князья, которые стали торговать с Византией, арабами и хозарами мехами, медом и воском, то эта потребность княжого хозяйства выдвинула на первый план охоту и бортничество. Карамзина в свое время упрекали в преувеличенном представлении о значении и влиянии государства. Отзвуки такого карамзинизма и потом существовали в идее о том, что русское общество создано государством, — идее, теперь если и не окончательно отвергнутой, то в очень значительной степени поколебленной. В разбираемом сейчас взгляде преувеличенное представление о значении государства опять возродилось: государственные в известном смысле потребности, точнее запросы княжого хозяйства, произвели и целый переворот. Так ли это?

Что охота и пчеловодство были всего важнее в то время, — на это данных у нас более, чем достаточно. Справедливо цитируется здесь летописное свидетельство 975 года об убийстве Люта Свенельдича, захватившего на охоте в древлянскую землю из земли полян, Олегом, князем древлянским, как указание на то, что „территории племен именно в охотничьем отношении были отделены в древней Руси не менее резко, чем отделены друг от друга территории современных нам бразильских индейцев“ ²⁾. Верно, что убедителен здесь и факт устройства Ольгою „становищ и

¹⁾ Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.

²⁾ Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.

ловищ“ в земле древлян после ее покорения¹⁾. Сюда надо прибавить еще, что по Святославу мед, воск и меха были главными богатствами Руси²⁾, что Игорь и Ольга одаривали греков мехами³⁾, что в конце IX века древляне платили дань черными кунницами⁴⁾, и что, по арабским данным, тогда вывозились из Руси меха выдры и черных лисиц⁵⁾.

Все это так, и уж, кажется, теперь спору не подлежит. Но дело также в том, что это — далеко не „новообразование“, а традиция далекого прошлого, непрерывно существовавшая. В самом деле: ведь северяне еще до прихода варяжских князей, следовательно вне их влияния, платили дань хозарам по шкуре белки с дыма⁶⁾. Еще раньше Кий, Щек и Хорив, по занесенному в летопись преданию, были звероловами⁷⁾. Сами же сторонники первенствующего значения земледелия в древнейшей Руси признают, что „словом, ловить, сеть и тенеты, несомненно, древне-славянские“⁸⁾, и хотя они и утверждают, что „археология упорно отмалчивается на этот счет“⁹⁾, но с этим согласиться нельзя: и мед и остатки шкур зверей, не говоря уже об охотничьем оружии, обычны среди археологических материалов. Да и странно бы было, если бы было иначе: нет сомнения, что не земледелие, а охота, бортничество и — прибавим сюда — скотоводство были виднейшими и важнейшими отраслями хозяйства в патриархальном быту, — в эпоху, предше-

1) Там же, стр. 46.

2) Нач. летопись под 969 г.

3) Там же под 945 и 955 г.г.

4) Там же под 883 г.

5) Гаркави, Сказания мусульм. писат.

6) Нач. лет. под 883 г.

7) Там же — в начале, в рассказе без годов.

8) Покровский, Оч. ист. рус. культ., I, стр. 45.

9) Там же, I, стр. 45.

ствовавшую тому периоду, о котором сейчас у нас идет речь. Как же могло случиться, что земледелие временно отодвинуло их на второй план, чтобы потом опять почти-тельно посторониться перед ними под влиянием варяжских князей с их разбойничьим сбором дани и не менее разбой-ничьей торговлей? Прибавим только, что скотоводство было, разумеется, не „сложным и трудным“, а очень простым, примитивным, выгонным, с содержанием скота круглый год на подножном корму—точь в точь как и теперь, например, в Восточной Сибири.

II.

Труд в древнейшей Руси.

Предшествующее изложение дает достаточную, как кажется, основу для характеристики положения труда в древнейшей Руси. Конечно, земледелие тогда уже существовало, но еще только как подсобное, второстепенное занятие, главными же отраслями хозяйства были охота и пчеловодство. Уже это обстоятельство и общая сильная подвижность и редкость населения свидетельствуют об одной важной стороне в организации труда, о степени его напряженности, об известном уровне техники. Ясно, что напряженность была невелика, техника была очень низка. Достаточно в этом смысле и прямых указаний. И „ловы“ и „тенета“ и „сети“ — признаки примитивной охоты. Пчеловодство не даром носило название бортничества: оно было диким, лесным, сопровождалось прямым, хищническим истреблением пчел: не даром один позднейший князь говорил еще: „не передавивши пчел, не есть и меду“. Земледелие в лесной и болотистой стране могло быть только подсечным или лядинным. Скотоводство существовало почти только как выгонное. Торговля была разбойничья, и масса населения в ней участия не принимала.

При наличии этих наблюдений, становится вполне понятным известие Маврикия о рабах у славян, выше уже

приведенное: „тех, кто у них в плену, они не держат в рабстве бессрочно, подобно другим народам, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую плату в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям“. При господстве примитивных отраслей хозяйства, при крайней экстенсивности техники производства, при сохранении натурального хозяйства нет нужды ни в большом числе рабов, ни в их вечности и наследственности, потому что не существует потребности в эксплуатации чужого подневольного труда, — и своего, свободного достаточно. Рабство и вообще несвободный труд — не характерный, не господствующий, а второстепенный признак положения труда в древнейшей Руси. Правда, высшие слои общества и до варягов и особенно после их прихода пленниками-рабами торговали, но эта торговля удовлетворяла потребностям в несвободном труде, существовавшим в иностранном, не-русском хозяйстве, и имела отношение к народному хозяйству Руси, главным образом, в том смысле, что служила источником дополнительного, избыточного дохода для верхов общества.

Впрочем, надо оговориться: плен и вытекавшее из него рабство, вообще мягкое и временное, являлось при продаже рабов на византийском и хозарском рынках одним из наиболее ярких проявлений хищнической, экстенсивной техники хозяйствования, расхищения, хищнической эксплуатации производительных сил. Не создавая внутри страны многочисленного и прочного контингента несвободных рабочих, рабство того времени до известной, довольно значительной, степени давало такой контингент более передовым хозяйствам других народов и в то же время и на месте создавало или

по крайней мере готовило кадры будущих несвободных и полусвободных состояний, которые должны были сложиться в целую компактную армию тогда, когда для того созреют подходящие хозяйственные условия. Реально, в действительности, несвободное состояние не было частым и распространенным, тем более прочным и постоянным в древнейшей Руси. Но, не создавая реальности, положение вещей в то время чревато было возможностью порабощения для всякого свободного человека, особенно, если он почему-либо отбивался от союза, к которому принадлежал, порывал с ним так или иначе связи, становился „изгоем“, т.-е. человеком, которому не дано жить нормальной по тому времени жизнью¹⁾.

Значит, нормальным в древнейшей Руси состоянием труда был труд свободный. Спрашивается теперь: был ли этот свободный труд личный или коллективный, и если коллективный, то какой коллектив его организовывал? Древнейшая Русь знала только кровные коллективы—племя, род и семью. Племя обладало определенной территорией, которая имела, прежде всего, как верно замечено²⁾, охотничье значение: вся территория данного племени находилась в монопольном охотничьем пользовании только его одного. Значит ли это, что все племя вольно, свободно пользовалось подходящими для охоты угодьями на всем пространстве племенной территории? Едва ли. Повидимому, и племенная территория была более или менее разграничена между родами. Это явствует из известного, классического летописного текста о полянах: „живяху кождо своим родом, на своих

¹⁾ Изгой от гоить, давать жить: К а л а ч е в. О значении изгоев в „Архиве ист.-юридич. сведений о России“, 1-ая половина, кн. 2-я, стр. 59—60.

²⁾ П о к р о в с к и й, Очерк истории русской культуры, I, стр. 45.

местех, владеюще каждо родом своим“. А что такое род? Это—совокупность родственных семей. Тот же летописный текст живо и ярко нам это показывает, иллюстрируя свое приведенное сейчас положение, примером трех братьев Кий, Щека и Хорива и сестры их, Лыбеди. Характерно здесь и то, что каждый из них жил особо, очевидно, со своими семьями, причем Лыбедь, вероятно, была вдовой—домоправительницей, как впоследствии Ольга при малолетнем Святославе и как вообще была позднее еще, во времена про- странной Русской Правды, мать-вдова при малолетних детях: Кий жил у перевоза Боричева, Щек на горе Щековице, Хорив на горе Хоривице, Лыбедь на реке Лыбеди. Конечно, это—предание, в конкретных подробностях—в именах и лицах—недостовверное, может быть, это то, что Шлеглер в „Римской истории“ называл „этиологическим мифом“—попытка наивно истолковать причины названий урочищ, персонифицируя происхождение этих названий. Но дело не в этом,—дело в том, что народ, слагая эти предания, верно отражает бытовые условия. А если так, то становятся понятными и ясными взаимоотношения между семьей и родом. Род владел сообща землей, а в пределах этой земли хозяйствовали и вольно, захватно пользовались землей отдельные семьи, жившие каждая особо. Этот вывод подтверждается, с одной стороны, некоторыми наблюдениями, относящимися к позднему времени, с другой—данными археологии.

Позднейшие наблюдения касаются способов межевания по Русской Правде еще XII века; там мы встречаем „межу ролейную“¹⁾, т.е. пашенную, проведенную опахи-

¹⁾ Русская Правда, Троицкий список, статья 65 (здесь, как и везде, по изданию Калачева—текст Русской Правды).

ванием земли, и „дуб знаменный“ или „межный“¹⁾, т.-е. со „знаменем“, с высеченной зарубкой или знаком определенной формы. И то и другое известно было еще в XIX веке в степных и лесных местностях Сибири со слабым населением,—там, где господствовало недавно вольное или захватное землепользование: все домохозяева определенного селения или волости в назначенный день и час собирались вместе на конях, по данному знаку раз'езжались и, если местность была степная, опахивали себе участки для пользования в этот год, а в лесных местностях „зачерчивали“ или „затыпывали“ их, т.-е. обозначали пределы предполагаемых в наступающий год к использованию участков зарубками, значками, „знаменами“ на деревьях²⁾.

Таковы позднейшие данные, подтверждающие факт вольного, семейного пользования землей в пределах родовой территории, пополняющие недостающие звенья той цепи, остатками которой являются известия наших источников. Что касается археологических данных, то они дают нам конкретные материальные остатки тех самых семейных поселков, о которых говорит Начальный летописный свод в рассказе о Кие, Щеке, Хориве и Лыбеди. Это так-называемые городища,—те „дымы“ или „дома“, с которых платилась тогда дань³⁾. Эти городища обыкновенно имеют треугольную или круглую форму, окружены валом, имеют в окружности от 300 до 450 шагов, но иногда только 200, а подчас и 1.000. Незначительность площади городищ и показывает, что это—остатки семейных поселков⁴⁾. Напрасно

¹⁾ Там же, статья 66.

²⁾ Филимонов, *Формы землевладения в северо-западной Барабе*.

³⁾ Нач. летопись под 883 и 994 годами.

⁴⁾ Ключевский, *Курс русской истории*, ч. I.

их считали остатками древних городов ¹⁾ или местами для богослужения ²⁾. То были просто укрепленные однодворные семейные поселки.

Конечный вывод ясен: в древнейшей Руси характерной формой труда был труд свободных людей в родственном коллективе—семье; род давал территорию семье, свободно ею используемую в ее пределах; племя давало родам племенную территорию, в пределах которой роды могли также свободно передвигаться и временно использовать землю особенно для охоты, бортничества, а также для скотоводства и отчасти для земледелия. Приведенная характеристика положения труда в древнейшей России показывает, что средний свободный человек того времени пользовался известной степенью обеспеченности, экономической самостоятельности, поскольку он был членом семейного, затем родового и племенного союзов. Это обстоятельство и вольное пользование землей глубоко отложились, прочно закрепились в народном сознании. И потому русский крестьянин, подобно всем другим,—например, эллинскому, как показывает Гесиод, или итальянскому, как то выразил Иоахим из Фиоре,—видел золотой век позади, в прошлом, идеализировал это прошлое и пытался восстановить его в казачестве. Русский крестьянин мечтал о тех временах, когда он крестьянином-землеробом в настоящем смысле этого слова еще не был или почти не был.

¹⁾ Самоквасов, Древние города России (Спб. 1873), стр. 98—100, 112.

²⁾ Это мнение Хомаковскаго.